

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С93

Разработка серийного оформления
А. Саужова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Счастливая, Елена Сергеевна.

С93 Жена в наследство. Книга вторая / Елена
Счастливая. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103526-6

Теперь я жена будущего Главы ордена Стражей. Но между нами толстая стена льда и прошлых обид, о которых я, занявшая чужое тело, мало что знаю. И как бороться с неприятно доставшегося мне злым роком мужа, когда он не желает верить той, кто однажды разрушила его жизнь? Но ведь только он может помочь мне вернуться домой. А еще дорога к утерянному народу, у которой, может быть, нет конца.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Счастливая Е.С., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103526-6

Глава 1

Хилберт быстрым шагом вышел из Храма и остановился на полуразрушенном крыльце, глядя в темнеющее небо над Пустошью. И хотелось бы сейчас вдохнуть воздух полной грудью, чтобы успокоиться, но так пыль, что кружила вихрями вокруг, только забьёт лёгкие — и легче явно не станет.

Он смял пальцами застёжки нагрудника, стараясь всё же дышать ровно и помалу давить внутри гнев. Грудь, казалось, разворотили на две части, раздвинули рёбра, открывая всё, что было ими защищено, да так и оставили. Плоть внутри понемногу покрывалась сухой коркой, сморщивалась и грубела до отвратительного хруста дублёной кожи. Он открылся, чтобы принять её. Почти вывернулся наизнанку, чтобы она могла войти легко и раствориться в нём. А она обдала только ворохом тлеющих искр — всего, что могло прорваться сквозь плотный щит, что укрывал её сущность Ключа. Обожгла и оставила зиять незаполненную дыру.

Конечно, это страшное ощущение пройдёт. Но сейчас Хилберт едва мог ноги переставлять, а ведь завтра — сегодня уже не успеть — надо идти обратно в Волнпик. И возможно, по дороге отбиваться от по-

рождений. Их стало слишком много. Раньше до Пустынного Храма можно было добираться почти без проблем. А тут натолкнулись на почти десяток слангеров одновременно. И не охотясь как раз в этих местах Науд, пришлось бы туго. Не смертельно, но приятного мало. Надо было послушать его подозрения насчёт Паулине — и задуматься... Но он уже начал слепнуть, начал погружаться в опасный дурман. Зря.

Хилберт медленно сел и опустил ноги на ступеньку ниже. Невольно прижал ладонь к груди, убеждаясь с невольным облегчением, что дыры там на самом деле нет. Проклятая мерзавка Паулине! Уже не знает, как вывернуться, чтобы нагадить дому ван Бергов ещё больше, чем уже нагадила. Не знает, как вымотать из него последние силы.

— Мениэр, — прозвучало за спиной. Спокойно. Холодно.

Захотелось развернуться и схватить её за тонкую шею. Сдавить до хруста позвонков, чтобы уничтожить эту змею. И будь что будет дальше. Но Хилберт остался неподвижным.

— Возвращайтесь в Храм. — Он невероятным усилием заставил свой голос остаться ровным. — Там безопаснее.

— Я прошу выслушать меня, — кажется, вполне искренне попросила Паулине.

Её лёгкие ладошки легли на плечи. Она ткнулась коленками ему в спину, присев рядом. И её дыхание коснулось волос.

— Я сказал, пошли прочь от меня! Не рискуйте. Иначе я точно вас убью.

— Вы всё равно выслушаете меня. Когда остынете, — твёрдо пообещала она. — Потому что я не виновата!

Паулине отшатнулась и, встав, вернулась в Храм. Хилберт закрыл глаза, чтобы невольно не обернуться и не увидеть её. Он не хотел её видеть, потому что, когда смотрел, с ним начинало твориться что-то странное. Всего пара дней, как она его супруга, а уже вгрызлась в мысли не хуже гарга. И невозможно было её оттуда выбросить. Хотелось смотреть на неё, наблюдать за такими непривычными движениями, жестами. Её лицом, знакомым и в то же время день ото дня меняющимся. Словно откуда-то из глубины проступали другие черты. Другая Паулине. Та, которую он не мог презирать, как ни старался. Даже смеяться она стала как будто по-другому: он слышал однажды, когда она была с Дине и служанками. А рядом с ним она ни разу не смеялась, конечно. Нет причин.

И что самое паршивое во всей этой ситуации: он и правда начинал верить ей. Ведь невозможно не верить той, которая слышала с ним один зов. И помогала бороться с этим. Которая знала его изнутри лучше других и не боялась. Чего только стоит тот случай, когда прыгнула к нему в постель совсем нагая — чтобы чувствовать полнее, чтобы сильнее обхватить его тело. Скорей всего она не знала, что делает. И в то же время знала — каким-то особым чутьём. Восприятием Ключа — не иначе. А он, придя в себя, маялся всю ночь от её близости. От жара её кожи, которая будто плавила его, впитывалась в

каждую пору. Он проснулся тем утром совсем другим. И увидел её не той, что накануне. Хилберт хотел взять её — ещё спящую. Так невыносимо хотел, но всё раздумывал, оттягивал миг решения, медленно глядя её бёдра и спину, перебирая пальцами чуть спутанные волосы — и только вынутые из глубин памяти мысли о том, кто она такая, помогли сдержаться. А потом она проснулась — к счастью.

Ведь если это зайдёт далеко, будет только сложнее рвать с ней. Нет ничего хуже телесной привязанности, постоянного вожделения — стоит только ей коснуться локтя невзначай. Или обнять, случайно касаясь губами шеи. Паулине всегда была такой — и в этом самая большая опасность. Опасность забыть все её деяния, став пленником дурманной притягательности.

Но срыв ритуала в Храме изрядно отрезвил. И сейчас Хилберт смотрел на себя немного со стороны: на дурачка, который поплыл от вида женских прелестей и нарочитой мягкости к нему. Как будто искреннего желания стать хорошей женой. Любимой?

Абсурд. Полнейший бред: сегодня это стало понятно так ясно, как никогда. С ней нельзя связывать жизнь. Она годится только на то, чтобы забрать, что причитается Стражу и главе Ордена — и отпустить на все четыре стороны.

Но теперь появилась другая проблема: её силы надо как-то освободить. Сама она вряд ли признается в том, что нарочно блокировала их. А значит, придётся разбираться самому. И прежде всего — с

тем кинжалом, который оказался в её руке. Признаться, Хилберт за всей этой суматохой и неурядицами забыл о нём, оставив в своей комнате — в несгораемом шкафу, где хранил самые важные документы или ценности. Но для начала надо бы отскрести себя от этих ступеней.

Хилберт встал медленно, всерьёз опасаясь рассыпаться, как пошедший трещинами кувшин. Слово тело заскорузло и противилось теперь каждому движению. И дышать было до сих пор трудно. Он вошёл в Храм и остановился между рядов порушенных и истлевших скамей, глядя на Паулине, которая сидела у алтаря, прислонившись плечом к одной из его опор. Пальцами она перебирала кончик косы, перекинутой на грудь. Её остановившийся где-то у противоположной стены взгляд заставил всё внутри сжаться в стальном кулаке. Весьма невинный и растерянный вид для той, которая наворотила неприятных дел.

— Убить меня пришли? — проговорила она хрипло.

— Нет. — Хилберт приблизился ещё. — К сожалению, вы мне по-прежнему нужны. Эта мстительность всё равно ни к чему не приведёт. Ну, разве что к моей смерти. Вы, наверное, этого хотите?

Она посмотрела как-то дико, резко повернув голову. Слово сама эта мысль была для неё ужасной.

— Я ничего не знаю о том, что случилось с силой Ключа во мне. И почему вы не можете её забрать. И я не хочу вам смерти. Никогда не хотела, как бы дурно и грубо вы со мной ни поступали.

— Я был с вами резок. Да. — Хилберт присел на край покосившейся лавки. — Но это не хуже того, что сделали вы. Не нужно отговорок. Я не стану их слушать.

— Я понимаю, что сейчас вы не готовы ничего слушать. — Она повела плечами. — Но мне есть что вам сказать. И я надеюсь, что мы поговорим. Когда вернёмся в Волнпик. Иначе я больше и пальцем не пошевелю ради вас.

Хилберт хмыкнул, отводя от неё взгляд. Надо же, спокойна, как будто ничего не случилось. Признаться, он ждал, что Паулине начнёт кричать и обвинять его в прошлых ошибках. Утверждать, что он виноват сам, что он заслужил. Плакать, наконец. Но девушка только заметно сжимала зубы и смотрела мимо него. И дышала глубоко, чуть неровно, явно давя внутри бушующую ярость. И откуда у неё столько сдержанности, которой раньше она похвастаться не могла? Новые уловки?

— Вы правы. Нам нужно помолчать и отдохнуть. А вам подумать о том, что вы будете делать дальше. Потому что от этого зависит то, как пройдёт ваша жизнь.

Хилберт встал и, пока девушка сидела у алтаря, нашёл две ещё вполне целые, хотя бы не рискованные развалиться скамьи: сдвинув их, устроил что-то вроде ложа. Для двоих: деваться некуда, иначе ночью в Пустоши поодиночке можно хорошенько замёрзнуть. Из обломков других скамей соорудил костёр. Чуть спустя Паулине всё же перебралась ближе к огню, заметно озябнув у каменного алтаря.

— У вас кровь, — сказала отстранённо, будто отметила, что на небе тучи.

Хилберт пощупал раненый бок — и боль отозвалась изнутри ощутимой режью. Надо же, и не заметил даже, что рана снова открылась: видно, после ритуала, ведь, как ни крути, тот всё же забирал некоторые силы. Теперь кровь промочила перевязь, которую Паулине сменила утром, и уже растеклась пятном по штанам.

— Ерунда. — Он махнул рукой.

— Серьёзно? — фыркнула девушка. — Я могу посмотреть. А можете истекать кровью дальше, если вам нравится быть обиженным судьбой страдальцем.

Хилберт покачал головой. Паулине встала и подошла. Парой резких движений расстегнула крепление нагрудника, глядя на него сверху вниз. Остановилась, будто ждала его сопротивления. Но он не стал ничего говорить, не стал её отталкивать, пусть и хотел. Он позволил продолжить, наблюдая за ней и поражаясь собственным необъяснимым ощущениям. Будто шёл, качаясь, по ненадёжному мосту. И надо, просто необходимо довериться всем этим прогнившим на вид, трухлявым доскам и истлевшим канатам — иначе не перебраться на другой берег. Иного пути нет.

Гнев утихал. И на его место приходила невыносимая усталость. Просто не хотелось больше ничего делать. Даже шевелиться лишний раз. А Паулине быстро проверила рану и, обработав, перевязала вновь, не сказав больше ни слова. Разделив остав-

шиеся ещё запасы мяса и лепёшек на две части, чтобы хоть немного подкрепиться утром, они поужинали и устроились спать.

Единственное, что спросила Паулине напоследок:

— Они точно сюда не проберутся? — шёпотом, прижимая кулачки к груди.

Хоть и хорохорилась, держалась, а всё равно боялась проводить ночь в Пустоши. Помнится, он сказал, что сумеет её защитить, иначе не достоин. Какая глупость в самом деле. Защищаться нужно не от слангеров, а от неё самой.

— Точно, — буркнул Хилберт, отворачиваясь.

Нельзя смотреть. Особенно когда она так близко. Обернётся бедой: он просто возьмёт её силой — от ещё ворочающейся в груди злости и давящего мозг даже сейчас возбуждения — ведь Паулине вряд ли согласится теперь лечь под него добровольно. А ему, признаться, хотелось её гнева и сопротивления. Хотелось до зуда в ладонях и напряжения в паху. Проклятая ядовитая змея с гибким телом, завораживающей грацией и магнетическим взглядом. Паулине дер Энтин. Его личное наказание плетью по уже рассечённой плоти — изо дня в день.

Скоро Паулине совершенно непосредственно уснула. И хоть до этого она пыталась держаться на расстоянии, немного отодвинуться, теперь расслабилась и перекатилась к Хилберту под бок в поисках тепла. Прижалась грудью к его спине, бедром — к пояснице. Двигаться было некуда, потому он смирился и скоро тоже уснул.

— Хилберт... — осторожный шёпот вырвал из чуткого поутру сна. — Хилберт!

Он шевельнулся, сбрасывая последнюю дремоту, и понял вдруг, что под его рукой слегка встревоженно вздымаются хрупкие рёбра, проступающие под кожей, ощутимые даже через ткань плотного платья. Он, ещё не вполне осознавая свои действия, скользнул ладонью чуть ниже, на мягкий живот — тот дрогнул от прикосновения. Послышался тихий вздох. И тогда только донеслась до рассудка вялая мысль: он лежит на твёрдой скамье, от которой уже онемел бок, и обнимает Паулине, весьма крепко прижимая к себе.

Хилберт отдёргнул руку, будто обжёгся.

— Что? — выдохнул, яростно потирая глаза. — Встаём. Пора идти... Да.

— Хилберт. — На сей раз Паулине тронула его плечо. — Око Хельда. Оно погасло.

Он вскочил резко, проснувшись окончательно. В боку стрельнуло болью, но это ладно, потому что шар в руках изваяния Светлого и правда перестал излучать сияние. А значит, порождения скоро почувют, что защита Храма пропала, и ринутся сюда. Через какое-то время, конечно, потеряют интерес к этому месту, но в первые дни здесь будет очень опасно.

— Надо уходить. Немедленно.

Хилберт встал и, быстро покидав вещи в сумку, потащил Паулине прочь.

— Надо осмотреть рану. Может, перевязать, — попыталась возразить девушка.

— Мениэр Видбри осмотрит. Дойду и так.

Они спешно выдвинулись в обратный путь. Задерживаться больше нет резона. Так или иначе, возвращаться придётся, но прежде — восстановить бы защиту Храма. Однако если Хилберта не возведут в ранг Главы, этого не случится. Сплошные неурядицы. И кто им виной?

Хилберт невольно посмотрел на Паулине, которая, стараясь не отставать, шла за ним без единой жалобы. Она всю неблизкую дорогу до Волнпика остерегалась разговаривать. Ограничивалась односложными фразами. Может, опасалась отвлечь, помешать той сосредоточенности, с которой Хилберт озирался, чтобы не пропустить опасность. А может, просто подбирала слова. Или решала, как будет изворачиваться дальше.

Сегодня Хилберт совсем пришёл в себя, пропали те страшные ощущения развороченности — а потому встретить на пути порождения он не боялся. Даже несмотря на рану. Но, к счастью, обратный путь оказался спокойным и как будто более коротким. Несколько раз слышались вдалеке шаги и тихий клокочущий рык, но никто не напал. Словно твари чего-то опасались. Паулине настороженно прислушивалась, вертела головой и иногда порывалась схватить Хилберта за руку, но вовремя себя одёргивала. Хотя он не стал бы противиться. Если ей так спокойнее...

И его не покидало ощущение, что отпугивает чудищ как раз она. Точнее, то, что она содержит в себе, словно сосуд. Может, неосознанно девушка

отгалкивала их: ведь Науд сказал, что того полубратившегося Изгнанного она даже сумела держать своей волей на месте некоторое время. Такой мощи Хилберт от неё, признаться, не ожидал. Да и кто бы ожидал от Ключа, а не Стража? Но и сложно было осознать двойственность её умений. А уж тем более углядеть в их применении умысел. Но разве теперь есть ещё чему удивляться?

Да только обращаться со своей силой толком Паулине, похоже, не умела. И отчего-то хотелось обучить её хоть чему-то. Раз уж такой уникальный Ключ достался. Но, насколько Хилберт знал, таких девушек никогда не обучали управлять силой Знака. Они знали только одно: что однажды им придётся просто передать её Стражу. А им самим она ни к чему.

А вот Паулине, похоже, знала о своих способностях гораздо больше. Она, верно, поставила цель изучить их — и достигла определённых успехов. По крайней мере достаточных для её личных намерений. Можно было, конечно, отдать её на поруки кому-то из Драконов Ордена. Учёных в Волнпике достаточно. Но зачем вручать ей ещё большую силу, чем она имеет сейчас, — знания?

Волнпик навис тёмной громадой из полупрозрачной муги почти неожиданно. Прежде чем подниматься по лестнице, Хилберт всё же подал руку Паулине: ещё не хватало, чтобы оступилась и сверзилась с высоты. Эта сторона замка, обращённая к Пустоши, хранила свои опасности, казалось бы, незаметные.